

Край без карт / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Край без карт / рассказ КРАЙ БЕЗ КАРТ

Мне нужно написать этот текст. Нарождённый ребенок, он уже превращается внутри в монстра. Подгнивает. Может расцвести раковыми анемонами. Требуется кесаревым движением ручки отпустить его, давно уже требуется.

«Как и что мы говорим, в свою очередь зависит от того, как и о чём мы молчим» (Бибихин, «Язык философии»).

И когда моя кровь разбавлена снотворными (бессонница беззвучно скалится, ей-то что с того), а ночь еще не размешана утром, может, самое время? Время, в котором весь вопрос – и горстка сквозь пальцы смысла. Поговорить о тишине.

«Тёмная ночь, только пули свистят по степи,

Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают.

В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь».

Это часто напевала она. Читала мне, дарила книги, всегда их подписывая по тем обычаям – на 23 февраля, на 9 мая, на 7 ноября.

Но сколько можно прятаться за цитатами?

Я – и фотографии – помню бабушку еще полной сил. Полную. С коротким перманентом. Легко сиреневых волос – как называлась эта краска? Кажется, бабушка красила волосы даже сама. Спросить у мамы. Мама спросит, зачем. Вопросы упрутся друг в друга. Помню, как она копала на даче, сажала, что-то делала.

А еще раньше – волосы меняют цвет на черный – мы гуляли по Серебряному бору. Санки, снег, избушка. С дедом еще дальше – песочные карьеры, камыш. Немного вытертая лисья рыжая шапка, шуба – из меха чебурашки. Каракулевый воротник, черное пальто, шапка деда – пахнувшая снегом, потом и лысиной.

К концу жизни бабушка похудела, стала как подросток. Один хлеб с чаем поклюет и все, больше не хочет, что бы ни привозил. «Бог напитал – никто не видал», ее присказка раньше. И – «все полезно, что в рот полезло». А тут будто Бог паек урезал, стал

в клетку меньше корма класть перед тем, как открыть ее навсегда, приучать к свободе. Волосы завивать давно перестала. Сначала серые, потом они стали совсем белые. Мягкие, такие мягкие, прямые, легкие, короткие. Как божий одуванчик, шутила бабушка, пух. Она вообще много шутила над собой. Что, она еще завьется, накрутится и пойдет гулять. Вот как сосед звонит, со всеми праздниками поздравляет. Только ему лет больше, чем ей, а на улицу она давно не выходит, там день недели-то какой, а погода? Столько дома, что все и забыла, ну и Бог с ним.

Работа врачом-рентгенологом всю жизнь. Но аппараты-защита были тогда плохи – получила большую дозу облучения, инвалидность, рано вышла на пенсию.

Нигде не была. Когда я начал активно ездить, приезжал рассказывать (дед, тоже не бывав, мог о странах больше меня рассказать, он-то знал все), бабушка – я только на юге была с дедом и Андрюшей, он еще маленький был. Стало плохо с облученной головой бабушке, потом и маленькому Андрею – отпуск закончился через пару дней.

Зато в детстве бабушка совершала подвиги, была – большая егоза, как звал ее дед Андрей. То в полном зимнем облачении провалилась под лед – хорошо, что вытащил какой-то знакомый с их же улицы, отвел домой, обтерли спиртом. То не понравилось подростку-бабушке в эвакуации. Она подговорила подругу и – они сбежали. Как-то пробрались на поездах, перекладных в Москву. Как?! Дед Андрей, мой прадед, увидев на кухне бабушку, ее сюрприз, сильно побледнел. И, единственный раз, ударил ее. Потому что военное время, патрули, режим – могло закончиться расстрелом. Как-то обошлось.

Не очень обошлось на заводе. Работали тогда все, даже они, почти еще дети. Смены по 12 часов, опоздания – строжайше. Какие-то военные болванки, станки. Металлическая стружка отскочила, прыгнула бабушке в руку. Рука сильно воспалилась. Что я знаю о годах, десятилетиях между ее воспоминаниями о детстве и войне и последнем, чаще всего о том, как был маленьким я, Андрюша, Галя? Почему я так и не приехал с ноутбуком, расспросить, послушать и записать? Мне не было лень, мне было – немного страшно. Чужой-родной жизни,

касающейся твоей семьи. Самое близкое – самое страшное. Не страшное, но – как объятия, от них же иногда отстраняешься. Как им дали квартиру на улице Народного ополчения, на «Октябрьском поле». Это странная история из тех, что я уже не узнаю никогда. Как с Тверской мои прабабушка и прадедушка обменялись туда. Да, из коммунальной квартиры, но большой квартиры. В район, где только хрущобы панельные, а вокруг почти лес, «грязь по колено». По намекам я понимаю – было проще отдать комнаты, но сохранить что-то более важное. Размен фигур без мата.

Лес вообще шел рядом. Потому дачу дали моей прабабушке – это были просто нарубленный на участки лес. Кабаны, деревья выкорчёвывать, через 10 метров за кустами малины не видно. Они бежали от большого государства, прятались от него за деревьями, и щепки трещали рядом, их не касалось? Можно было бы и так написать, но на дачу они точно не бежали, а ездили, счастливые.

Весной, в мае, когда черная еще земля вздыхала первыми подснежниками, нарциссами и робкой, из теплицы-снега, травой. В маленьких «Жигулях», где над нами – бабушка, дедушка, мама, я, вещи – нависала щедрейшая рассада деда, в обрезанных синих пакетах из-под молока, едко пахла помидорным его кислотным запахом, остающимся на пальцах, как зеленка. Осенью грустно, но и хорошо – отмыться, согреться – с машиной, забитой уже огурцами, помидорами, повышенными до собственных ящиков, с торпедами зеленых кабачков и бомбами тыкв. Москва за лето успевала поменять свой запах, а я отвыкнуть – пластик, лак, чье-то чужое окно в доме напротив. И первый звонок осени.

Потом, в сентябре, когда я уже учился, их машина заруливала к нам в Москве завести «урожай». Такой светлячок из все темнеющей ночи, открытка с дачи.

Что было все же в эти годы, эти странные десятилетия, протяженные, тянувшиеся, но и быстрые в своей неразличимости? 50-е, 60-е, 70-е. 80-е уже помню я. А до этого? Уютная потерянность, дежурный строгий и ленивый одновременно труд, обеденное время без всполохов и гроз? Все покрыто тополиным пухом, он смягчает шаги, только тени на нем вдалеке, как следы

от огня. Как в подъездах, на побеленных стенах, от чьей-то спички. Спичка, подброшенная спутником, вылетевшая в окно бабочкой – на вечно летний двор.

Я не хочу тут ни эссе, ни лирического потока сознания. Они смотрят ту речь воспоминаний, которую я уже несколько лет не слышу. Ведь «бывают слова, обладающие такой существенной глубиной или такой глубокой несущественностью, что стесняешься их повторить после того, как прошло вызвавшие их мгновение» (Юнгер, «Сердце искателя приключений»). Память говорит только такими словами, а мы пытаемся их перевести на язык вечности, как удержать сон, проследить полет бабочки.

Мне кажется, те годы были заполнены чем-то маленьким. Такой советской елочкой, вокруг которой водят хоровод дети и взрослые. Они растут, а елочка – нет. Но так и надо. Покупка стиральной машины, например. Машины даже. «Покровскими воротами», «Иронией судьбы» – или из них я и экспортирую воспоминания для другого человека? Парадами на 9 мая – их бабушка смотрела по телевизору до самого, самого конца. Не понимала, почему не смотрю я.

У бабушки было две подруги – две Розы. И соседка Зоя. Одна Роза старше, полная, немного малахольная («как тогда говорили»). Другая, наоборот, живчик, активная, авантюрная даже. Приехала как-то в гости – такой шум и шутки! Но жизнь раскидала еще раньше, чем их могилами жонглировать смерть начала. Одна что-то сломала к старости, даже к телефону не могла толком подойти. Всех, кто жил рядом, расселили, раскидали по разным районам, снеся этот под ноль и под ключ. И Зоя тоже куда-то постепенно потерялась. Как теряются вещи, уходят тише людей – попробуйте вспомните, когда выкинули ту игрушку, то пальто, ту посуду. Тише, тише бьются жизни, пена дней.

Сначала умер ее сын, мой дядя Андрей. Через два года в этот же день мой дедушка. Она вспоминала только его. Когда 90 лет и приближающееся начало стирать, подтирать следы ее сознания, Андрея она даже не сразу вспоминала. Так зачеркнула боль, так и делается природой, когда дети неправильно умирают раньше? Так велела очень большая, под 70 лет совместная жизнь с дедом?

Столько – не живут сейчас, шутил я. Да в конце они и не жили, во всяком случае – отдельными жизнями. Это был уже какой-то недоступный так же, как и этот самый срок, симбиоз. Когда один лучше другого знал, какие таблетки, когда скорую, какой суп нужно сварить. И все слова, ссоры, все было – как вкус этого супа, привычный и не повторимый ни на какой другой плите.

Я приезжал, когда бабушка была уже одна. После работы. Часто, но ненадолго. Бабушка вспоминала. Обрывала себя, переключалась. Спрашивала стандартное – как на работе, как на улице, как мама себя чувствует. И вспоминала снова. От того, что дед ей опять снился, говорил, что ждет, до того, как все были маленьким. Вот – здесь опять нет промежутка, тех 50-х, 60-х и 70-х. Жизнь, кажется, так плотно вошла в паз в те годы, что это как экзаменационный билет – преподаватель понимает уже в начале ответа, вы все знаете, скажите на всякий случай из конца и все, свобода, спасибо.

Кормила, кормила, конечно, всегда. В последние годы – глаукома, один глаз почти не видит, очки уже не подобрать – тарелки были все грязнее, бабушка просто не видела, когда их мыла. Я отказывался, убеждал, что сыт. А бабушка не очень ела то вкусное, что покупал по дороге я. Просто не хотела. Так на кухне – чужой, их же дом снесли и переселили в новый, а эта новая квартира не была обжита нами, счастьем, только двумя смертями – мы питались воспоминаниями. Впрочем, я и от них сбегал где-то через час, полтора. Не сыт, не голоден, просто.

Исключением было сладкое, конфеты. Их, когда все еще жили вместе, ба прятала иногда под подушку, про запас. Все знали. А посмеивалась больше всего над собой она сама. Детский смех. Игры старых. Подыгрывают, как с ребенком, тоже всей семьей.

Моя память отсеивает, отвешивает редкие воспоминания, как падали плотные, как живот панды, пельмени сквозь специальную железную сито-форму, когда мы все вместе лепили зимой. Они потом отправлялись на балкон. Там же дед нанизывал в скворечники сало, для синиц. Или снегирей, а синицы ели что-то другое? Вот, я путаю их диету, а дед бы никогда не ошибся.

Мне же помнятся – палки.

Лыжные, мы на них ходили. Палка, которую я подобрал где-то во

дворе, играл с ней. Пора домой было и – бабушка дала унести палку чужой собаке. Я расплакался, моя палка. Бабушка, с извинениями перед владельцем собаки, вернула палку. Мне до сих пор стыдно, сколько бы я ни натворил. Или – уже счастье – они с дедом приезжают на дачу. На заднем сидении, среди дачной еды, вещей, всего, металлическая ручка с резиновой рукоятью. Дрель такая? Но радость взрывается – это руль разобранного мне велосипеда.

Символично, что на этих палках ковыляют мои воспоминания? В том-то и дело, что не только мои. Их. Они мне их не завещали, но умру я – умрут они. Совсем, окончательно, воскрешению не подлежит. Тени воспоминаний могут встретить нас там, только когда их кто-то узнает.

Это как у Гоголя, скажите там, в столице, что жил такой Бобчинский, живет такой Добчинский? Но разве, дыша на стекло, просто дыша каждое утро, мы не доказываем то же самое? Не зная, кому, от кого и зачем это нужно.

Та метка, по которой поймут дорогу назад те, кто ушел в страну, у которой нет карт, край светлячков в «темени непролазной» (еще одно выражение ба).

Помню ее пальцы, с таким раздутыми, до боли взгляду, от артрита суставами. Руки могли (не могли) уже ничего писать, все было написано на них. А из-под закрывшей лицо простыни высовывался ее палец с ногтем, отросшим будто сейчас, в этот миг отделения от живого, ведь мама стригла ей.

Я утешал маму – она столько прожила, жила счастливо, с любимыми, а сейчас уже не хотела, хотела откровенно, почти нас уже не смущаясь, к ним. Да и какая жизнь лежа, со столькими болезнями? Мама немного переставала плакать, соглашалась. Меня вот никто не утешит – я крайний в этом ряду, за мной не занимали. Все только передо мной.

Они мне столько помогали. После того, как министерство деда закрылось-слилось-поглотилось, он устроился на «вредное производство» и даже много для 90-х получал. Я помню цвет той тысячи, что они положили мне в копилку. Или как-то стихотворение – я болел, много пропускал в начальной школе, бабушка сочинила за меня и отнесла в школу. Вышло боком –

одноклассники припоминали мне потом зайчишку из того стиха. Но за это вот мне не стыдно. Да, конечно, потом я давал деньги, покупал, водил к врачам. Но деньги эти, как и эти воспоминания, обесценились еще до их выхода, они дешевле тех, их, настоящих. Деньги воспоминаний – это всегда сдача.

Курчатова Нина Андреевна, 7.11.1926-17.08.2018.

2 января 2021.

Об авторе: АЛЕКСАНДР ЧАНЦЕВ

Прозаик. Литературовед-японист, критик, эссеист-культуролог. Родился в Москве в 1978 году. Закончил Институт стран Азии и Африки МГУ. Кандидат филологических наук, специалист по эстетике Юкио Мисимы. Лауреат Международного литературного Волошинского конкурса в номинации “критика” (2008), премии журнала “Новый мир” “за литературно-критические публикации 2007-2011 годов” (2011), конкурса эссе журнала «Новый мир», приуроченного к 125-летию Михаила Булгакова (2016), финалист Всероссийской литературно-критической премии «Неистовый Виссарион» (2019, 2020), диплом финалиста и специальный диплом «За новизну и метафорическую емкость прозы» Международной премии имени Фазила Искандера (2019), лауреат премии Андрея Белого в номинации «Литературные проекты и критика» (2020) и др. Neкаýalar